

Отзыв официального оппонента,

доктора философских наук, доцента, профессора кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» Радеева Артема Евгеньевича на диссертационное исследование Егорова Павла Александровича «Гносеология эстетического опыта», представленного на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания

Методология междисциплинарности, ориентированная на решение проблем с использованием наработок «соседей по цеху», до сих пор вызывает настороженность. Связано это с тем, что при допущении междисциплинарности как методологического орудия имеется риск потерять специфику собственного предмета или метода, а при отсутствии этого допущения имеется риск потерять более тонкое и точное погружение в собственный исследуемый материал.

Тем не менее, внутри одной области знания (в данном случае – философии) вопросы о междисциплинарности могут показаться вторичными, и поэтому указанные риски могут представляться несущественными, ибо по умолчанию принимается, что философская проблематика – при всем ее разнообразии – все же представляет собою единое проблемное поле. Однако это не совсем так. Это хорошо видно на примере истории философии, которая не принимает во внимание специфику истории эстетики, логики, этики, а сами эти истории также, как правило, представляются не в едином поле историко-философского процесса, а в своей самозамкнутости. Также острота проблемы междисциплинарности в отраслях философии видна и при разработке конкретных теоретических проблем: каждая из отраслей, как правило, сильно упрощает проблемное

поле своих «соседей», в результате чего зачастую складывается эффект «перетягивания одеяла» при разработке каких-либо философских вопросов.

Именно эта скрытая проблема междисциплинарности в философии является стартовой позицией диссертационного исследования П.А. Егорова: возможно ли проследить взаимовлияние проблематики познания и эстетической проблематики, и если да, то какой тип нового знания из этого может возникнуть? В этом свете стремление П.А. Егорова раскрыть «гносеологию эстетического опыта» (при всей двойственности этой формулировки с точки зрения двух типов родительного падежа) с учетом тех изменений, которые претерпела теория познания и эстетика в XX-XXI веках, обладает безусловной **актуальностью**.

Исследование П.А. Егорова построено на двух основаниях. С одной стороны, это историко-философское исследование становления проблематики теории познания и эстетики и описание способов их встреч, при этом диссертант особо подчеркивает, что процессы исторического изменения эстетики и гносеологии следует рассматривать как «взаимосогласованное развитие» (с. 8). С другой стороны, это теоретическое исследование складывания особой концептуальной модели (патафизика), которая, по мнению диссертанта, стала своеобразным итогом развития проблем эстетики и теории познания. В проведении такого анализа состоит **новизна** диссертационного исследования.

Текст диссертации выдержан в научном стиле, а изложение материала в диссертации – ясное и непротиворечивое. Во введении П.А. Егоров ставит принципиальный вопрос: способна ли эстетика «связать опыт и знание, а на более глубоком уровне, мышление и бытие?» (с. 4), вводится рабочее понятие эстетического опыта «как субъективного представления чувственно данной реальности» (с. 10), описывается предмет исследования – «эстетический опыт как фундамент познавательных способностей» (с. 7), выдвигается гипотеза о возможности патафизики как «свободного

конструирования форм научного творчества так, как если бы речь шла о художественной деятельности» (с. 11), объясняются другие сопутствующие диссертационному исследованию понятия и проблемы.

В первой главе раскрывается становление проблематики познания в свете того феномена, который в ряде историко-философских подходов получил наименование «кризис европейской рациональности». При этом за основу берется методология, разработанная современными канадскими теоретиками культуры А. Крокером и Д. Куком с использованием идей канадского философа Ч. Н. Кокрейна, который предложил идею циклов проблематики познания, в изложении диссертанта представленной как движение от первичного противоречия между субъектом и миром, а затем последовательно проходящей стадию догматизма, стадию скептицизма, стадию субъективизма, стадию нигилизма, стадию перехода к новой догматике.

Во второй главе рассматривается роль эстетики в решении проблем теории познания, при этом сама эстетика трактуется как «дисциплина, предполагающая деонтологизированное отношение к миру» (с.65), что связывается автором, прежде всего, с критической философией Просвещения. В ходе разворачивания анализа в главе предлагается рассмотреть эстетическую проблематику как «границу гносеологии, где субъект, на основе игры своего воображения, формирует сферу познания» (с. 68-69). Также в главе предлагается трактовка прямой связи эстетического опыта и творчества и утверждается, что «эстетика обнаруживает творческий принцип как фундаментальный принцип опыта» (с. 108), а творчество, в свою очередь, трактуется (на основе идей Б. Кроче) как выражение без сущности выражаемого. Указание на эту связь эстетического опыта и творчества необходимо автору, чтобы раскрыть двунаправленность «гносеологии эстетического опыта»: «Принцип выражения без сущности выражаемого и есть тот последний элемент, который был нам необходим для

прояснения названия данной работы: гносеология эстетического опыта. В той мере, в которой нас интересует проблема познания, мы говорим о гносеологии, однако в той мере, в которой наше познание не является «зеркалом природы» (не важно: внешней или внутренней), а является свободным творческим порывом, мы говорим об эстетике» (с. 110).

Третья глава ориентирована на обоснование «патафизики как стратегии научного познания в гносеологии эстетического опыта» (с. 158), анализируются аргументы за и против патафизики как возможной методологии познания, при этом подчеркивается, что «без патафизики, наука, ограниченная логоцентризмом и ставящая свою целостность и непогрешимость выше результативности, так и останется эпистемой с «множеством разумений несоответствующих действительности»» (с. 183). Автор приходит к выводу, что движение к патафизике – естественный путь методологии познания, «достаточно лишь избавиться от логоцентризма в науке, до конца пройти путь, начертанный эстетической рациональностью» (с. 185-186).

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Достоинств в представленной диссертации несколько. Прежде всего, это стремление диссертанта показать тесную связь между теорией познания и эстетикой. И П.А. Егоров убедительно показывает, что анализ эволюции одной отрасли философии без принятия во внимание развития другой отрасли грозит явным упущением в понимании той и другой.

Другим достоинством работы П.А. Егорова является конкретный философский анализ определенных «кейсов» в истории европейской рациональности, а также пристальное внимание к эстетической теории И. Канта и оригинальная ее трактовка. В работе есть много интересных и достойных внимания историко-философских замечаний, которые, несомненно, выдают тонкую аналитическую работу диссертанта. Интересен

и общий замысел сближения теории познания и эстетики в свете специфики их взаимной эволюции.

Кроме того, немаловажным достоинством диссертации является заявленный пафос в обновлении классической теории познания и эстетики патафизической направленностью, беспокойство по поводу логоцентрической парадигмы (или, как сказал бы У. Гумбрехт, вытеснение культурой значения культуры присутствия). Такой пафос в свете обновления классических парадигм философствования и поиск новых форм философского знания представляется вполне уместным.

Также нельзя не отметить корректное оформление ссылок и цитат в диссертации, что также усиливает впечатление не поверхностного исследования.

Однако не существует совершенных диссертаций, и исследование П.А. Егорова – не исключение. В диссертации существует ряд спорных и дискуссионных моментов, на которые нельзя не обратить внимания.

1) Об общем понимании эстетики

Существует либо слишком широкое понимание эстетики (как теории чувственности), либо слишком узкое (как теория эстетических ценностей, как философия искусства и др.). Однако и то, и другое все же не соответствует ни самой истории эстетики (эстетика как философия искусства – лишь эпизод в истории эстетики, эстетика как теория чувственности фактически появляется только в первой «Критике...», а затем до конца XX в. такое понимание было отброшено и т.д.), ни современному ее состоянию.

В этом свете хотелось бы уточнить, почему автор избрал широкое понимание эстетики «как философской наукой о чувстве вообще» (с. 4)?

Но проблема не только в том, на каком основании предлагается трактовать эстетику столь широко. Проблема в том, что если исходить из понимания ее как философии чувственности, то остается открытым вопрос,

почему в таком случае при рассмотрении последней осталась без внимания традиция сенсуализма и эмпиризма, которые также предлагали разные варианты «философской науки о чувстве вообще».

2) Об условиях понимания эстетического опыта

Для эстетической теории существует принципиальная разница между чувственным опытом и эстетическим. Собственно, из допущения этого различия и рождается эстетика: из представления о том, что есть в чувственности нечто, к набору чувственных данных несводимое. В современной эстетике в отечественной традиции этим нечто называют «сверхчувственное в чувственном», в другой традиции это нечто понимается как особая событийность, в третьей – как наличие эстетической ценности, в четвертой утверждается, что то иное, что есть в чувственном опыте и что делает его эстетическим, это форма многообразного этих чувственных данных. Если же обратиться к истории эстетики, то эстетика возникает из допущения вкуса (как специфической способности суждения), возникающего по поводу чувственных данных. Затем переосмысление понятия вкуса привело к его отказу и замене на «эстетическое отношение» и т.д. Как бы то ни было, эстетика формируется не просто как теория чувственности (в этом свете она уже давно существовала со времен Платона и Аристотеля), а как особая дисциплина, существующая на допущении чего-то иного в чувственном опыте.

На сегодня наиболее общим понятием для понимания специфики эстетики является эстетический опыт, и не случайно автор задается целью «поставить вопрос о самой сущности эстетического опыта» (с.107).

С учетом того, что категория эстетического опыта является основополагающей для диссертации, можно было бы ожидать от автора, что он проанализирует различные трактовки эстетического опыта и на основании этого определит ту, которая ему представляется наиболее значимой или же предложит собственную (но в любом случае на основании

историко-эстетического рассмотрения традиций понимания эстетического опыта). Поэтому остается непроясненным, на каком основании «под понятием эстетического опыта в работе понимается его трактовка как субъективного представления чувственно данной реальности». (автореферат, с. 8)? Можно лишь допустить, что эти основания есть, но в диссертации они остались неэксплицированными.

3) О связи эстетики и творчества

Одной из центральных идей автора диссертации является обоснование тесной связи между эстетическим опытом и творчеством, сам опыт понимается как творчество, а «эстетика обнаруживает творческий принцип как фундаментальный принцип опыта» (с. 108). Хотелось бы уточнить у автора: всякий ли эстетический опыт является творчеством? Так, в некоторых традициях понимания эстетического опыта к одному из его моментов относят эстетическое отношение. Можно ли сказать, что эстетическое отношение (например, к виду из окна) является творчеством и если да, то в каком смысле? Например, есть та традиция, которая ответила бы, что эстетическое отношение (и шире – эстетический опыт) производят образ. В этом ли смысле идет речь о творческом характере эстетического опыта или в каком-то ином?

4) Про опосредование опыта

Одной из интересных мыслей автора является подчеркивание опосредованного характера опыта: «Опыт (не в гумбрехтовском смысле слова, а в смысле – встречи мира и субъекта), строго говоря, никогда не осуществляется в непосредственной форме, т.е. опыт – это всегда опосредование сингулярной встречи, «данные опыта»» (с. 112). Также автор отмечает, что под опосредованием имеется в виду «нечто восполнительное, дискурсивное, то, что никогда не является непосредственным» (там же). Хотелось бы уточнить у автора, что все же имеется в виду под опосредованием. Под ним может иметься в виду то, что опыт в любой его

форме никогда не случается в чистой форме, что в нем присутствуют иные элементы (например, имеется в виду, что в эстетическом опыте очевидно присутствуют и элементы познавательного опыта). Также под опосредованием может иметься в виду вторичность опыта по отношению к его условиям. Также под опосредованием может иметься в виду то, что в опыте имеются элементы, косвенным образом определяющие процесс складывания опыта. Сам автор подчеркивает, что опосредование – это «дискурсивность», но хотелось бы уточнить содержание этого понятия в свете перечисленных или иных форм понимания опосредования.

5) Про патафизику как методологию

Как известно, патафизика существует не только в виде индивидуального проекта А. Жарри, но и в виде отдельных исследователей и институций; например, существуют «колледжи патафизики» в разных странах, а также существует «музей патамеханики» в Бристоле.

Однако, насколько можно судить, существующие проекты патафизики начинаются и заканчиваются призывами, нежели конкретными результатами, а методология исследования (на которую ориентируется автор) предполагает все же конкретные результаты исследования. Насколько, по мнению диссертанта, патафизика состоятельна не на уровне теории, а на уровне практики, насколько патафизика не остается еще одной методологией призыва, а не действия? Переиначивая знаменитые слова Гегеля, не занимается ли патафизика исключительно чисткой ружья, а до выстрела дело так никогда и не доходит (и, возможно, это даже и не предполагалось)?

Кроме того, в тексте имеются опечатки, но эффект искажения смысла они не вызывают.

Высказанные вопросы и замечания носят дискуссионный характер, выражают желание продуктивного философского диалога и не умаляют достоинств исследования П.А. Егорова, а научная оригинальность и

последовательность служат дополнительным аргументом в защиту идей диссертанта.

Диссертация представляет собою самостоятельное, целостное, законченное исследование, в котором содержится решение задач, имеющих значение для онтологии и теории познания. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены в автореферате адекватно, а публикации в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых журналов, отражают результаты проведенной работы.

Таким образом, диссертация Павла Александровича Егорова «Гносеология эстетического опыта» соответствует критериям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.) (с изменениями и дополнениями). Павел Александрович Егоров заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания.

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

«30» мая 2026 г.

Радеев А. Е.

Контактная информация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5, ауд. 30а.

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ
Радеева А. Е.
ЗАВЕЩАЮ

Тел.: +7 (812) 328-94-21
E-mail: a.radeev@spbu.ru

Заместитель начальника
Управления кадров СПбГУ
Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

№. 06.26.